

ПЕТИН Д. И. (Омск)

Исторический архив Омской области,
Омский государственный технический университет

**К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННОМ ПОТЕНЦИАЛЕ
ДОКУМЕНТОВ ОРГАНОВ ВЧК–ГПУ–ОГПУ
ПО ОСОБОМУ УЧЁТУ БЫВШИХ БЕЛЫХ**

Аннотация: В работе представлен источниковедческий анализ документов, связанных с проведением особого учета бывших белых органами ВЧК–ОГПУ в 1920-е гг. Автор дает оценку информационного потенциала этого корпуса источников применительно к проведению исторических исследований.

Ключевые слова: советская власть, РККА, спецслужбы, белое движение, источники, генеалогия.

PETIN D. I. (Omsk)

Omsk State Technical University,
Historical archive of the Omsk region

**TO THE QUESTION OF INFORMATION POTENTIAL
DOCUMENTS OF THE BODIES OF THE VCHKH–GPU–OGPU
ON SPECIAL ACCOUNTING OF THE EX–WHITE**

Annotation: In this article, a source analysis of documents related to the special recording of the white organs of the VChK-OGPU in the 1920s is presented. The author assesses the information potential of this corps of sources in relation to the conduct of historical research.

Keywords: Soviet power, Red Army, special services, white movement, sources, genealogy.

Революционные события 1917 г. и Гражданская война, хотя и являются относительно непродолжительным хронологическим отрезком, но этот период повлиял на ход истории в общегосударственном масштабе. Пятилетие 1917-1922 гг. стало переломным моментом, фактическим расколом не только для российской государственности, но, прежде всего, для общества и отдельно взятых семей, граждан. В отношении «престижности» своих родовых истоков из-за смены государственно-политического строя также произошли перемены: период советской власти возвел на «пьедестал почета» сугубо рабоче-крестьянское происхождение. В течение семи десятков лет советского периода каким-либо образом упоминать о своем происхождении из дворян, офицерства, чиновничества, купечества, духовенства было в некой степени действием морально порицаемым, а в определенные времена – даже весьма опасным.

Но политические процессы, происходившие в нашей стране в течение последней четверти XX в. изменили взгляды и ценности общества. Это коснулось не только области отечественных исторических исследований, но и сферы интересов обывателя. За последние два десятилетия генеалогия в массовом сознании восстановила свое некогда утраченное качество: она стала одной из «здоровых» и правильных тенденций общества. И не случайно, что в наши дни мы наблюдаем всплеск «генеалогической активности». Ведь знать прошлое своей семьи (уже вне всякой зависимости от происхождения рода и различных коллизий минувших лет, коснувшихся семьи) в современном обществе, как и прежде, является правилом хорошего тона и показателем морально-нравственного развития гражданина.

За последние годы практическая генеалогия находит отражение в многочисленных научных изысканиях. Одновременно с этим данная сфера стала одним из направлений бизнеса или хобби отдельных лиц. Все это, так или иначе, указывает на востребованность подобного рода знаний в нашем обществе. В практике исследований по исторической биографии и генеалогии, связанных с дореволюционным обществом и людьми, посвятившими себя военной и гражданской службе, сложился определенный корпус используемых источников [6; 15; 18; 22]. Главным образом, в этом вопросе среди генеалогов широкое применение находят традиционные источники – послужные (формулярные) списки и актовые записи.

Всколыхнувшая российское общество Гражданская война и ее последствия создали для современных историков и генеалогов-практиков немало сложных поисковых задач. В годы самой войны большое число комплексов документов частично и полностью подверглась уничтожению. Позднее, в период массовых репрессий пострадали многие семейные архивы.

С целью организации комплексного хранения и использования документального наследия революции и Гражданской войны в 1920-е гг. имела место быть тенденция планомерной концентрации в Москве архивов несоветских бывших государственных образований (в 1918–1920 гг. существовавших в регионах) на базе Архива Октябрьской революции (ныне – ГАРФ). Также с середины 1920-х гг. стало производиться постепенное засекречивание документов. Первым шагом к тому стало создание внутри архивов секций политики и права (т.н. политсекций). Они имели охранительные функции по отношению к ретроспективной информации. Создание политсекций стало первым шагом по ограничению доступа к документам о персоналиях антибольшевистского движения. Включение архивной службы СССР в систему НКВД в 1938 г. означало, по сути, превращение архивов в закрытые учреждения. Даже вывод архивной отрасли из состава МВД в 1960 г. с передачей подчинения СМ СССР существенно не повлиял на открытость для исследователей фондов, связанных с Гражданской войной.

Перемены начались в конце 1980-х гг., когда переводу со специального (секретного) хранения в общий доступ в государственных и ведомственных архивах подверглись, в том числе, многие архивные документы, связанные с периодом Гражданской войны и ее персоналиями (главным образом,

с антибольшевистским движением), политикой советской власти в отношении бывших белогвардейцев в период и после окончания войны и т.п. Доступность некогда закрытой информации повлекла за собой большое количество запросов в архивы от граждан о родственниках – участниках антибольшевистского движения (офицерах, военных чиновниках, казаках и солдатах белой армии), или подвигло многих на самостоятельные поиски в читальных залах архивов, библиотек, тематических порталах, сайтах и форумах в сети Интернет.

Несмотря на то, что значительные комплексы документов, связанные с участниками Гражданской войны (прежде всего, с белогвардейцами) были переданы в Центр, в региональных архивах имеется значительный пласт информации о тех, кто воевал в антибольшевистском лагере. Причем, большой объем таковых сведений можно почерпнуть именно в документах советской власти, датируемых 1920-ми гг. По праву уникальное историческое наследие оставила деятельность органов государственной безопасности советского государства, связанная с проведением особого учета бывших белых.

В современном обществе распространено большое число мифов о Гражданской войне [14]. Одним из таких устоявшихся заблуждений является то, что не эмигрировавшие белогвардейцы в советской России были сразу же уничтожены. Но как показывает даже беглое знакомство с документами, огромная масса бывших белогвардейцев проживала в РСФСР–СССР, пытаясь встроиться в новую действительность. Подавляющее большинство этих людей в ходе боев или, умышленно дезертировав, попало в плен РККА. В этом отношении справедливо мнение И.В. Варзакова о том, что реальные враги советской власти либо погибли в Гражданскую войну, либо эмигрировали [7, с. 149]. Но бывшие белые для советской власти, хотя и были неблагонадежной прослойкой общества, но представляли существенный интерес для РККА и иных советских ведомств. В связи с этим они одновременно были объектом внимания и для органов государственной безопасности. Встраивание данной категории граждан в советское общество, привлечение их на службу в РККА и советские учреждения потребовало шагов упредительного и контролирующего характера. Этой мерой стал особый учет бывших белых, оставивший после себя отличающийся высокой информативностью военно-чекистский комплекс документов.

Обратимся к краткому экскурсу истории особого учета бывших белых. Изначально сам учет касался, в большей степени, практики армейской жизни. Его фактическое осуществление началось с лета 1919 г., но полное юридическое оформление эти мероприятия получили 4 сентября 1920 г., когда был издан известный приказ РВСР № 1728/326 / СС. Документ установил правила фильтрации, учета и использования в РККА бывших офицеров и военных чиновников. Однако в полной степени правовая основа положения бывших белых офицеров и военных чиновников была оформлена и узаконена на государственном уровне позднее. Это произошло 9 июля 1923 г. с выходом соответствующего постановления Президиума ВЦИК. Вплоть до этого момента регламентирующими документами относительно практики особого учета бывших белогвардейцев являлись приказы РВСР [3, с. 68].

На рубеже 1919–1920 гг. на территории Урала и Сибири, а также других регионов достаточно большое количество участников антибольшевистских вооруженных формирований попало или сознательно сдалось в плен частям РККА. В связи с этим, с конца 1920 г. учет бывших офицеров белой армии начал приобретать массовый, обязательный и систематический характер. Одной из ключевых задач, вставших тогда перед органами ВЧК в отношении представителей офицерства, стало проведение фильтрационных мероприятий с целью выявления наиболее активных участников антибольшевистского движения. Такие лица отделялись от тех, кто был лоялен к советской власти, и куда менее потенциально опасен для нее [5, л. 93]. В начале 1920-х гг. работа органов государственной безопасности с бывшими белогвардейцами выделилась в одно из самостоятельных направлений деятельности [8, с. 126–146, 220–221]. В официальном делопроизводстве органов ВЧК–ОГПУ, связанном с ведением особого учета бывших белогвардейцев, даже появляется специальный термин (тяготеющий к профессиональному сленгу сотрудников органов государственной безопасности) – «особоучетник».

К середине 1920-х гг. значительная (относительно периода 1919–1922 гг.) часть бывших белых офицеров и военных чиновников были уволены из РККА или оставили военную стезю добровольно. Но многие из них продолжили службу в различных советских гражданских организациях и учреждениях. С точки зрения новой советской власти, даже относясь к ней лояльно, бывшие белогвардейцы были потенциально опасны, имея военный и организационный опыт, хозяйственные навыки, могли стать центральными фигурами в обществе, влиять на умы. Правящая партия считала их потенциальным источником контрреволюции, главной угрозой для молодого советского государства, поэтому они находились постоянно под пристальным наблюдением органов ГПУ–ОГПУ [21, с. 59].

В этот период органы государственной безопасности разграничили учет бывших белых на гласный и негласный. Гласный учет, который и оставил массовое документальное наследие, сводился к ограничениям в правах передвижения и периодической явке на отметку (регистрацию). Негласный учет сводился к наблюдению агентов и секретных сотрудников органов ГПУ–ОГПУ за бывшими белыми [9, с. 546].

Окончание активных боевых действий Гражданской войны и относительная стабилизация военно-политической обстановки внутри страны повлекли определенные изменения в отношении положения бывших офицеров и военных чиновников белых армий в советском обществе. В частности, постепенное снятие бывших белогвардейцев с особого учета началось в 1924 г., но в течение года это процесс не имел четкой регламентации. Приказ РВС СССР № 191 от 19 февраля 1925 г. снимал с особого учета всех бывших белогвардейцев, находящихся к этому моменту в рядах РККА и РККФ. Этот приказ вышел на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 11 февраля 1925 г. о снятии с особого учета некоторых категорий бывших белых офицеров и военных чиновников. В постановлении отмечалось, что бывшие офицеры и военные чиновники белых армий, перешедшие на сторону советской власти, в рядах РККА

и флота доказали свою преданность рабочему классу и Революции» в связи с чем снимаются с особого учета [9, с. 596; 20, с. 8].

Чуть позже, 19 марта 1925 г., и ОГПУ издало соответствующий циркуляр о порядке снятия с особого учета органов ОГПУ бывших офицеров и чиновников, служивших в белых армиях или проживавших на территории, занятой белогвардейцами. Циркуляр стал в некоторой степени «мерой оптимизации» оперативной работы чекистов. Документ рекомендовал проводить кампанию по снятию с учета бывших белогвардейцев с таким расчетом, чтобы «в итоге разгрузить особый учет от лишнего балласта, оставив на таковом только действительно вредный и враждебный советской власти элемент, активно участвовавший в белом движении и способный в дальнейшем проявить свою активность» [9, с. 596]. В этом же приказе отмечалось, что гласный особый учет в значительной степени потерял свою остроту в связи окончанием регистраций бывших белых во всесоюзном масштабе и изданием алфавитных сборников на бывших белых. Апогей кампании по снятию с особого учета пришелся именно на 1926 г.

Остановимся подробнее на документах особого учета бывших белых. Для его ведения приказом РВСР № 1728/326 / СС вводились 2 ключевых типовых документа – «анкета для бывших офицеров белых армий» и «именной список на бывших белых офицеров и военных чиновников». Оба документа имели вид строгого формализованного бланка.

Для исследовательской работы анкета является более содержательным источником, поэтому уделим ей особое внимание. Как видно из работы с архивными фондами, большая часть анкет произведена типографским способом в табличном виде на 4 страницах (2 листах). Не столь часто, но есть аналогичные бланки, исполненные машинописью или рукописно (зачастую с размещением содержания анкеты в 1 лист с обеих сторон).

Бывший белогвардеец, проходя анкетирование, должен был ответить на 38 вопросов. Заполнялся опросник собственноручно. Не столь часто можно видеть заполнение анкеты машинописным образом, что в единичных случаях объясняется физическим нездоровьем «особоучетника» вследствие перенесенных им заболеваний, полученных ранений и травм (анкетируемый в документе это оговаривал).

Большая часть опросника была посвящена изучению личности бывшего белого в разные периоды его биографии. Значительная часть вопросов анкеты затрагивала аспекты военной службы и квалификации бывшего офицера. Это его образование, характер бытности в 1905–1907 гг., 1914–1917 гг., в период с февраля по октябрь 1917 г. Часть анкеты имела нескрываемую политическую направленность: о месте и роде занятий в момент революций 1905 г. и 1917 г., отношении к Октябрьской революции, к советской власти, характере политических настроений на момент заполнения анкеты. Вопросы анкеты касались также родителей, братьев и сестер. Особый интерес здесь имел род занятий родственников анкетируемого лица.

Но как видно, опросник имел явное оперативное значение в изучении личности «особоучетника». Подобного рода «формализованные бланки»

по учету бывших офицеров белой армии, каковыми были анкеты, не содержали «праздных» вопросов, диктуемых простым любопытством. Все вопросы имели вполне конкретное и прикладное значение. Так, интересуясь, уроженцем какой области был бывший белый офицер, советская власть хотела избежать его назначения в этой местности, опасаясь наличия или возникновения у него связей. Руководствуясь этим же опасением, советское военное руководство изначально не назначало бывших белых офицеров в места их пленения или добровольной сдачи, в места постоянного жительства [13, с. 128]. Причем даже небольшое расхождение сведений в анкете могли стать причиной задержания «особоучетника» органами ВЧК–ОГПУ с целью полной проверки его личности [16, с. 128].

Но здесь стоит отметить, что вопрос оценки качества составления анкеты для бывших офицеров белой армии с точки зрения практики социологического знания пока еще ждет своего исследователя.

Документы по ведению особого учета бывших белых уникальны по своей источниковой природе. Они – политическое «зеркало» эпохи. Но эти источники личного происхождения имеют свою специфику. Во-первых, они несут субъективную оценку событий, данную авторами документа. Во-вторых, очевидна сложность верификации заключенной в них автобиографической или исторической информации, которая может быть не раскрыта в полной мере (или даже вовсе искажена) автором документа в угоду обстановке создания документа, каких-либо довлеющих причин и обстоятельств. И.В. Варзаков, говоря об анкетах, справедливо высказывается: «советские органы внимательно изучали политический облик своих вчерашних противников – этому посвящен целый ряд вопросов анкеты. В силу понятных причин бывшие офицеры старались показать свою лояльность к новой власти, как правило, указывая, что отнеслись к Октябрьской революции сочувственно» [7, с. 149].

На основании этого тезиса, извлекая из документов историко-биографическую (генеалогическую) информацию, следует помнить, что дабы избежать потенциального преследования со стороны органов ВЧК–ОГПУ, дистанцироваться от антибольшевистского движения и нивелировать свою принадлежность к части общества, враждебной советской власти, многие бывшие белые офицеры и военные чиновники старались скрыть отдельные факты служебной биографии. Так, бывшие белогвардейцы часто акцентировали, что в боевых действиях участия они не принимали, занижая свои чины, не указывая о фактах получения наград (особенно боевых) за период Гражданской войны. Зачастую в анкетах респонденты подчеркивали, что в белой армии занимались «невоенной» или «небоевой» работой [1, с. 59; 2, с. 47; 15, с. 307; 7, с. 149; 10, с. 293–294; 12, с. 222–223; 16, с. 122–123; 17, с. 283–284]. К особо тщательно скрываемым бывшими белыми сведениям относились служба в жандармерии, контрразведке, участие в подавлении восстаний местного населения против антибольшевистских властей. Это поведение было объяснимо: за такую службу в белой армии респондентов ждал суд и приговор вплоть до высшей меры наказания.

Военнослужащие, пониженные в чине в белой армии, либо вообще разжалованные из офицеров за какие-либо нарушения и проступки, старались ка-

тегорично подчеркнуть для советской власти подобные факты своей служебной биографии. Некоторые лица, исполнявшие обязанности офицера по должности, но имевшие внетабельный воинский чин (портупей-юнкер или зауряд-прапорщик), стремились указать, что формально они офицерами не являются.

Но все-таки, если на вопросы, касающиеся личных данных и военной службы, сказать неправду было достаточно сложно, то верифицировать ответы на вопросы идейного характера было достаточно проблематично в силу специфики самого вопроса о политических убеждениях. Из анализа текстов анкет видно, что ответ на «политический блок» вопросов был закономерно клишированным: бывшими белогвардейцами сухо и однозначно отрицалось членство в партиях, отношение к советской власти называлось «лояльным», «одобрительным», к революции – «сочувственным». Были и те, кто, ссылаясь на собственную политическую безграмотность или неосведомленность, указывал на то, что «не осознал сути» революционных событий 1917 г. В отношении советского строя указывались тенденциозные формулировки наподобие: «с известными мне декретами советской власти согласен», «служу советскому правительству», «сочувствую заданиям советского правительства в деле укрепления СССР», «к партии не принадлежу, но считаю себя марксистом» и т.п.

К анкете «особоучетника» часто прилагалась краткая записка о его службе, представлявшая собой сокращенный вариант послужного списка. Краткая записка содержит исключительно сведения, связанные с прохождением военной службы, и во многом дублирует сведения анкеты.

Другой обязательной формой учета, закрепленной приказом РВСР № 1728/326 / СС, был именной список на бывших белых офицеров и военных чиновников (состоящих на службе в учреждении, организации, подразделении и т.п.). Он имел такие разделы, как фамилия, имя, отчество, место рождения, бывший чин, наименование белой армии (А.В. Колчака, А.И. Деникина и т.д.), в которой служил офицер или военный чиновник, род войск («род оружия»), сведения, откуда прибыл «особоучетник», полученное им назначение или причины перемещения. В некоторых случаях списки содержат дополнительные резолюции органов власти или пометы составителей документа, что может быть ценной информацией при поиске сведений о судьбе «особоучетника».

Помимо форм, введенных указанным выше приказом РВСР, существовал еще один документ учета всего военнообязанного населения, в том числе, и бывших офицеров и военных чиновников белых армий – это послужной список. Его форма была закреплена во «Временном руководстве по учету и призыву лиц командного состава и административно-хозяйственной службы» (в § 24 г.) приказом РВСР № 1947 от 20 ноября 1919 г. [19, с. 6]. Послужной список составлялся на уволенных или демобилизованных лиц и отправлялся в губвоенкомат, по району, где увольняемый подлежал первоначальному учету. Последней записей в нем должна была быть отметка о том, каким приказом РВСР бывший офицер был уволен со службы.

Для удобства использования сотрудниками военкоматов на титульных листах послужных списков лиц, состоявших на особом учете, наряду с другими отметками, делалось специальное маркирование в виде небольшого штампа-

надписи «состоит на особом учете быв. [ших] белых». Анкета и послужной список должны были сопровождать бывшего белого офицера при всех его дальнейших перемещениях (в том числе, и по гражданской сфере). Эти документы посылались в военкоматы по новому месту жительства, но не через самих лиц, а почтой и обязательно секретным порядком [13, с. 128].

Другим массовым и разнообразным по содержанию источником, стали материалы делопроизводства, связанные особым учетом. Это, своего рода, «следствие» проведения органами ВЧК–ОГПУ учетной политики в отношении бывших белых. Сложностью для ведения исследований, выявления и научной атрибуции персоналий в указанной переписке является специфика делопроизводства 1920-х гг. (например, отсутствие инициалов при указании лица). Негативную роль сыграл здесь и пресловутый «человеческий фактор». В переписке (как и в списках) в отношении «особоучетников» делопроизводителями ВЧК–ОГПУ и других ведомств допускались неточности, искажений, ошибки.

Также в некоторых именных списках (реже в материалах делопроизводства) можно встретить примеры, когда вместо воинского или классного чина «особоучётника» указана краткая информация, позволяющая определить лишь его принадлежность к командно-административной категории военнослужащих. В частности, могла быть приведена последняя должность в белой армии (например, «старший адъютант полка», «младший офицер», «взводный офицер», «квартирмейстер полка», «полковой казначей», «оружейный техник» и т.п.) либо некая обобщённая формулировка на подобие «офицер старой и белой армии», «военный чиновник», «офицер военного времени». Тем не менее, проводя историко-биографические (генеалогические) исследования надо учитывать весь документальный массив. Ведь в ряде случаев даже «вторичная» по степени происхождения переписка может содержать важные пометы, резолюции.

В региональных архивах нашей страны документы особого учета бывших белых отложились в фондах различных военных и гражданских учреждений и организаций. Но, преимущественно, анкеты и списки бывших белых содержатся в документации по личному составу, а также в переписке, связанной с мобилизаций (демобилизацией) специалистов, изучением политической благонадежности сотрудников советских организаций и учреждений органами ВЧК–ОГПУ, розыском дезертиров и др.

Особенностью физической сохранности части документов особого учета бывших белых (особенно списков), является то, что из-за плохого качества писчей бумаги и чернил, а также неразборчивого почерка делопроизводителей существенное количество данных документов имеет угасающий текст и в связи с этим читается с большим трудом. Отдельные списки или их фрагменты имеют настолько сильно угасший текст, что уже не читаются абсолютно (а, следовательно, по этой причине их невозможно было использовать) и, несмотря на фактическую физическую сохранность архивного дела, их, к сожалению, уже можно считать утраченными источниками.

Система учета бывших белых, инициированная для своих нужд советской властью через органы ВЧК–ОГПУ, оставила большое по своему объему и цен-

ности историко-документальное наследие. Эти свидетельства прошлого, являясь содержательным материалом для практической генеалогии, могут также продемонстрировать особенности процесса адаптации «антисоветского элемента» в течение первых десятилетий после окончания Гражданской войны, многократно подтверждая особую остроту этого вопроса на практике.

В отношении многих участников антибольшевистского движения, живших в СССР, советская военно-учетная документация 1920-х гг. имеет непосредственную связь с учетными и следственными документами органов государственной безопасности конца 1920-х–1930-х гг. Для начала стоит оговориться, что на «особоучетника» заводилось учетно-проверочное (личное) дело. Основу дела составляли анкета, регистрационная карточка, постановление о снятии с особого учета (если оно происходило), справки, переписка и иные документы такого рода.

Следует упомянуть и об одном трагическом совпадении, связанном с этими документами. С долей вероятности можно утверждать, что в 1930-е гг. наработки особого учета бывших белых (включе антибольшевистской службы «особоучетников») могли быть использованы органами ОГПУ–НКВД при проведении репрессивной политики [11, с. 269]. А как видно из материалов архивного уголовного дела в отношении бывшего военного топографа, капитана РИА М.М. Поспеева (1870–1937 гг.) (расстрелян в Омске по делу о подпольной офицерской организации во главе с бывшим генерал-майором армии Колчака Н.Н. Артамоновым), в конце 1950-х гг. эти же документы (в контексте службы «особоучетников» на благо советской власти) в форме архивных справок могли задействоваться органами советского правосудия в ходе реабилитации жертв «Большого террора» [4, л. 391об.].

Подводя итоги исследования, стоит сказать, что тезисом о документальных связях военных и чекистских документов необходимо руководствоваться исследователям (особенно при проведении историко-биографических и генеалогических изысканий). Ведь бесспорно, что оба документальных массива документов, связанные как с ведением особого учета, так и с политическими процессами, репрезентативны и по праву уникальны с точки зрения своей информативности.

Список литературы:

1. Абинякин Р.М. Бывшие офицеры в военных комиссариатах Орловской губернии в 1919–1923 гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2010. № 3. Ч. 1. С. 57–65.
2. Абинякин Р.М. Настроения бывших офицеров на службе РККА в 1920–1930-е гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 4. С. 47–52.
3. Абинякин Р.М. Особый учет бывших белых офицеров в советской России и СССР в 1920-е гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2010. № 3-1. С. 66-75.
4. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. Д. П–5226. Т. 7.

5. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 87. Д. 10.
6. Аршакаян М.А. Формулярные списки служащих и рабочих Алтайского (горного) округа XIX – начала XX в. как исторический источник. Дисс. ... канд. ист. наук. АлтГУ: 07.00.09. Барнаул, 2010. 286 с.
7. Варзаков И.В. Военная интеллигенция в белой борьбе на восточном фронте: штрихи к портрету // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 1. С. 130–150.
8. Василевский В.П., Сушко А.В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск: ОмГТУ. 280 с.
9. Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК–ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. 800 с.
10. Петин Д.И. Всеволод Оссовский: бывший белый офицер в советской России // Вестник архивиста. 2015. № 3. С. 288–306.
11. Петин Д.И. Обзор фондов Исторического архива Омской области о личном составе белой армии // Военно-образовательные учреждения: история, современность, вклад в науку и культуру: материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию Омского кадетского корпуса (Омск, 16 мая 2013 г.): в 2 т. / отв. ред.: Д.А. Алисов, О.В. Гефнер, В.Л. Кожевин, Н.А. Томилов. Омск, 2013. Т. 2. С. 266–269.
12. Петин Д.И., Ефремова Ю.Н. Источниковый потенциал семейных архивов в реконструкции биографии и генеалогии участника Гражданской войны. На примере архива семьи Абрамовых. Первая половина XX в. // Вестник архивиста. 2013. № 1. С. 217-231.
13. Петин Д.И., Коновалова Н.А. Бывшие белые офицеры в зеркале массовых документов первых лет советской власти // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: материалы Всероссийской научно–практической конференции (Омск, 12–13 ноября 2014 года) / Под ред. Д.И. Петина. Омск: Амфора, 2015. С. 125–131.
14. Петин Д.И., Стельмак М.М. «Сибирь, союзники и Колчак». Восприятие военно-революционного периода 1917-1922 гг. современным обществом (В рамках работы Центра изучения истории Гражданской войны) // Гражданская война в России (1917-1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 16-17 июня 2016 г.) / глав. ред. Д.А. Алисов, Ю.А. Закунов; отв. ред. О.В. Гефнер, И.А. Селезнева. М.: «Институт наследия», 2016. С. 340-345.
15. Петин Д.И. Биографические источники в практической генеалогии: на примере судьбы кадрового офицера русской императорской армии П.П. Мозера // Вестник архивиста. 2014. № 2. С. 294-312.
16. Петин Д.И. Николай Рогозин: офицер–деникинец в условиях советской России // Вестник архивиста. 2017. № 1. С. 114–138.

17. Петин Д.И., Каминский В.В. Генерал–майор Генштаба Н.Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 274–300.
18. Рындин И.Ж. Послужные списки дворян как источник по военной и статской службе рязанского дворянства // Российский научный журнал. 2013. № 2. С. 5-8.
19. Сборник приказов РВСР за 1919 г. № 1947. Ч. 2. Июнь-декабрь 1919 г. 48 с.
20. Тинченко Я. Книга истребленного генофонда Украины // Книга учета лиц, состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. В 4 т. Т. 1. Харьков, 2011. С. 3–20.
21. Ченская Т.В. Бывшие белые офицеры, состоящие на особом учете в Орловском губернском отделении ОГПУ // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2. С. 58-61.
22. Шульга Т.В. Документы Государственного архива Томской области, содержащие биографическую информацию об участниках Первой мировой войны // Вестник архивиста. 2014. № 3. С. 292-302.